

Российская Академия Наук
Ордена дружбы народов Институт этнологии и антропологии
имени И. Н. Миклухо-Маклая

На правах рукописи

КАМКИН Александр Васильевич

**ТРАДИЦИОННЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ СООБЩЕСТВА
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
В XVIII ВЕКЕ**

Специальность — 07. 00. 07 — этнография

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва
1993

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории
Вологодского государственного педагогического института

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Доктор исторических наук В. И. Буганов
Доктор исторических наук М. М. Громыко
Доктор исторических наук Н. А. Миненко

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ —

Кафедра Отечественной истории древнего мира и средних веков
Российского государственного гуманитарного университета

Защита состоится « _____ » _____ 1993 г.
в _____ часов на заседании Специализированного совета
Д. 002. 76. 01. по защите диссертаций на соискание ученой
степени доктора исторических наук при Институте этнологии и
антропологии РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32-А).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Института этнологии и антропологии РАН

Автореферат разослан « _____ » _____ 1993 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат исторических наук

А. Е. Тер-Саркисянц

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы. Крестьянская община, волость и сельский приход принадлежат в истории России к фундаментальным и наиболее жизнестойким социокультурным сообществам. Являясь важнейшим носителем этнической традиции, они вмещали в себя мощные пласты первичной социальности и духовного потенциала. Их значимость неизменно признавалась господствующими структурами сменяющих друг друга эпох, заинтересованными в их сопричастности к организации общественного обустройства и обеспечению стабильности государства. Изучение крестьянских сообществ способствует раскрытию глубинных основ российской истории, судеб русского народа и — всегда созвучно современности.

Организирующими и регулируемыми механизмами хозяйственной, общественной и духовной жизни названной крестьянской триады были традиционные мирские и приходские институты. Они обеспечивали непрерывное воспроизводство всех сфер крестьянского общества, его саморегулирование, а также различные — в зависимости от эпохи и конкретно-исторической среды — варианты интеграции общины, волости и прихода в общегосударственные и общецерковные структуры России. Именно они — эти институты — в их историческом, пространственном, структурном и функциональном проявлении и являются предметом исследования. Тема рассматривается на материалах Европейского Севера России (современная территория Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Республики Карелии и Республики Коми) и в хронологических рамках XVIII столетия.

Общеизвестно, что отличительной стороной жизненного уклада северной черносошной (впоследствии — государственной) деревни на протяжении веков была широкая автономия крестьянских сообществ, общепризнанное распределение функций между государством и волостью, церковными структурами и приходом, а также развитые традиции общественного служения. Столетия заселения и освоения огромных пространств сурового региона сформировали передаваемую из поколения в поколение потребность в кооперации труда, общественных обязанностей, различ-

ных акций социального и духовного характера. Отсутствие личной зависимости от феодала способствовало закреплению этих традиций. Все вместе они аккумулировали общественную и духовно-нравственную энергию северного крестьянства, участвовали в создании того неповторимого строя жизни северной деревни, который вот уже на протяжении двух столетий привлекает внимание и специалистов, и широкой общественности. Ныне мы являемся свидетелями все возрастающего интереса к опыту отечественных демократических традиций, среди которых не последнее место занимает феномен крестьянской общественной и духовной самоорганизации, так выразительно проявившейся на Севере России.

Хронологические рамки исследования ограничены XVIII столетием, что объясняется рядом существенных перемен, прямо влияющих на состояние крестьянских сообществ и получивших в пределах указанного времени вполне законченное выражение. Именно тогда стала нарастать острая потребность в переходе к качественно новому этапу хозяйственной деятельности. Уже к началу XVIII в., в результате освоения естественно-пригодных под сельское хозяйство угодий, возникла альтернатива: либо отдать предпочтение их расширению за счет вторжения в лесную целину, либо наращивать усилия по интенсификации хозяйственной практики на старопахотных землях. В 80-е гг. началось Генеральное межевание, которое жестко очерчивало общинные владения. Прирост населения стал угрожать превышением допустимой демографической емкости освоенных ландшафтов. В волостях и общинах обострился земельный вопрос. Во-вторых, эта ситуация совпала по времени с факторами социального характера — зримо шел процесс выделения в деревне предпринимательской, торговой, многоземельной группы крестьян. Это придавало новые черты поземельным и иным межкрестьянским конфликтам. В-третьих, в начале века был определен статус государственного крестьянства; власти, в течение какого-то времени искавшие стратегическую линию по отношению к государственной деревне, во второй половине столетия окончательно ее определили, взяв курс на регламентацию хозяйственной и социальной обстановки, завершившийся первой попыткой ломки традиционной волости в конце XVIII в. (указы Павла I). И, наконец, имели значение изменения в правовом и общественном статусе церкви, под энергичным давлением абсолютизма стремительно огосударствившейся. Образованные в 1682 г. самостоятельные северно-российские епархии с центрами в Холмогорах (впоследствии — в Архангельске) и

Великом Устюге в качестве приоритетного направления рассматривали контроль и руководство приходской жизнью, развивавшейся прежде в условиях широкой автономии. Все это не могло не воздействовать на привычные формы жизнедеятельности крестьянской триады. Традиционное волостное и приходское устройство проходило своего рода испытание на прочность, а от деревенских должностных лиц как никогда требовалась определенная гибкость и готовность адаптироваться к новациям.

Задачи исследования и научная новизна. Особенности региона и характерные черты эпохи дают основание для вычленения в рамках темы ряда исследовательских задач. Так, представляется целесообразным охарактеризовать иерархию пространственно-территориальных систем, в которых роль структурообразующей основы играли крестьянские сообщества: всего пространства Севера (макротерритория), его отдельных суб- и мезотерриторий, а также наиболее типичных пространственных моделей микротерриториальных систем и отдельных сообществ. Предпринимается попытка исследовать основные количественные и пространственные параметры крестьянских сообществ на завершающем этапе их существования в исторически сложившихся размерах.

В качестве самостоятельной задачи рассматривается восстановление картины внутриволостной структуры самоуправления и приходской иерархии для исторических условий XVIII века во всем многообразии типичного и индивидуального, традиционного и нового. Предпринимается попытка увидеть их как в системе новых вертикальных взаимосвязей (волость-уезд-губерния; приход-благочиние-епархия), так и в привычных горизонтальных (волость-волость, приход-приход, волость-приход). Принципиальное значение в этом контексте приобретает вопрос о стадии сращивания мирских структур с государственными и управленческо-церковными.

Ставится задача отдельного изучения основных тенденций жизнедеятельности крестьянских сообществ, а также выяснение воздействия (глубины, направленности, механизмов) на традиционное течение общественной и приходской жизни Севера формирующейся в XVIII в. системы государственного управления казенной деревней и структур Синодальной церкви. И, наконец, помимо этих конкретно-исторических задач предполагается рассмотрение — применительно к условиям XVIII в. — некоторых «сквозных» проблем: состояние традиционных типов этносоциализма (обычное право, общественное и религиозное сознание), а

также повседневное проявление взаимодействия «общества» и «власти» на местном, периферийном уровне.

В работе предпринимается параллельное исследование волости и прихода, т.е. сообщества территориально-административного, светского и сообщества конфессионального, церковного. Такой подход обусловлен различиями в существе и предназначении каждого из них. К исходу XVII в. волость на Европейском Севере определилась как устойчивое территориальное сообщество с признанным юридическим статусом, обладающее, с одной стороны, широкой автономией, а с другой — известной включенностью в систему государственного управления. Функции волости определялись как обычаем, так и писаным правом и текущей распорядительной деятельностью местной и центральной администраций. Волость ведала земельным фондом, путем разработанных форм учета закрепляла за каждым крестьянским хозяйством его надел, фиксировала все изменения в его составе. Она играла решающую роль в раскладке налогов и повинностей и сборе их. По выражению А. И. Копанева, «именно на ней покоилась сложная громада фискальной организации и через нее доходила до каждого плательщика. Круговая порука володчан обеспечивала государственный интерес фиска». Волость, как известно, была и мощным инструментом социальной защиты ее жителей, важным орудием в борьбе с захватными действиями «внешних» сил (феодалов, городов, корпораций) и с государственной эксплуатацией. Волость имела свою структуру органов, в которой, несмотря на множество местных вариантов, всегда наличествовали институты прямой демократии (сход) и выборные должностные лица.

Сельский приход представлял из себя устойчивое территориальное сообщество православных людей, находившееся в сфере иных отношений — духовных, молитвенно-литургических (с точки зрения цели единения) и церковно-канонических (с точки зрения юрисдикции). Строго говоря, это был территориальный моноконфессиональный союз, основой которого являлось литургическое единение в общем храме под духовным водительством пастыря, правильно рукоположенного и состоящего в юрисдикции епископа. В рамках прихода рождались только ему присущие цели (душепопечительство, тайносовершительство), специфические функции (напр. — катехизация, воцерковление) и формы общения (богослужения, молебны, праздники). Приходское сообщество создавало свою иерархию: формальную — клир и церковный актив, а также неформальную — вкладчики, книжники, знатоки веры, старики и пр. Исторической особенностью севернорусского

прихода была долго сохраняемая традиция выборности клира, гармонично сочетавшаяся с общим строем общественной жизни черносотенной деревни.

Волость и приход отличались и структурообразующей основой. В рамках волости роль таковой играло дворохозяство. Именно оно было и единицей обложения, и отправной точкой всех расчетов, и общепризнанным элементом внутриволостной демократии. В приходских отношениях неизмеримо большее значение в качестве структурообразующего элемента имела семья — «малая Церковь», в которой взаимные обязательства супругов и детей освящались Церковью. Подсистемой волости была деревня, либо куст деревень, часто составлявших поземельную общину. Здесь складывался свой круг вопросов, собирались сходы, было свое должностное лицо (десятский, пятидесятский). На такую подсистему могли быть возложены отдельные обязанности в рамках общей самоорганизации волостной жизни. Аналогичными подсистемами приходов были так называемые часовенные приходы, бравшие на себя часть забот по духовному окормлению православных.

Параллелизм изучения волости и прихода, оттенки и отделяя в традициях народной самоорганизации духовное от материального и религиозное от светского, может способствовать, на наш взгляд, более полному видению взаимообусловленности и взаимовлияния универсальных крестьянских сообществ, диалектическое единение которых несомненно.

Степень изученности. Внимание к истории общины, волости и сельского прихода Европейского Севера России XVIII века проявлялось и проявляется в отечественной историографии в различной степени. Наиболее широкое освещение в этнографической и исторической литературе нашли волостные сообщества и община. Православный же приход в качестве объекта специального исследования выступал значительно реже, в основном, в работах, выполненных до 1917 г.

Первые аналитические материалы о состоянии крестьянских сообществ появились в правительственных кругах и в среде губернской администрации (записки графа Воронцова, Нарышкина, губернатора Головцина). Тогда же эта тема систематически стала затрагиваться в книгах участников академических экспедиций — И. Лелехина, П. Челищева, Н. Озерецковского и др. В них нашел отражение комплекс внешней среды крестьянских сообществ, их пространственное и хозяйственное устройство, описаны некоторые из народных православных традиций.

В 80-х гг. XVIII в., в связи с начавшимся на Севере Генеральным межеванием, было опубликовано несколько топографических описаний, а вслед за этим — ряд аналогичных обзорных материалов (генерал-губернатор А. П. Мельгунов). Родившаяся чуть позднее так называемая северная «губернаторская историография» (статистические справочники, описания, календари, памятные книжки), дала исследователям немало ценных сведений о народонаселении, территориальном, административном и церковном делении, путях сообщения, властных структурах, церковных празднованиях, местных святынях и др.

Материалы волостных и приходских органов, крестьянские семейные архивы сумели ввести в научный оборот первые историки-краеведы — В. В. Крестинин, М. Н. Мясников, А. Мерцалов и др.

Новый период в изучении крестьянских сообществ Севера начался с работы П. Соколовского (1877), высказавшего мысль о волости-общине, сохранявшейся — по мнению автора — на Русском Севере вплоть до XVII в. и о ее постепенной эволюции в деревенскую общину с уравнительными переделами. Вслед за нею появились общеизвестные работы А. Лалоша, П. С. и А. Я. Ефименко, С. А. Приклонского, С. Щепотьева, П. И. Иванова, В. И. Семевского, М. А. Островской, В. Боголюбова, М. М. Богословского. Отметим, однако, что полемика о черносошно-общинном землевладении, истоках и формах общины, традициях земского самоуправления и по другим проблемам, актуальным для общественной мысли России последних десятилетий XIX — начала XX вв., опиралась, главным образом, на материалы XVI — XVII вв. и крайне редко (и лишь в общем плане) анализировала процессы XVIII в.

Представляет интерес и начавшаяся в России с 40-х гг. XIX в. систематическая и плодотворная работа правоведов и этнографов по сбору, описанию и систематизации народных юридических обычаев (Н. П. Загоскин, А. А. Леонтьев, С. В. Пахман, В. Сергеевич, Е. Т. Соловьев). Этот уникальный материал и сейчас является важным источником для изучения жизнедеятельности крестьянских сообществ, традиций общественного служения, устройства и функционирования мирских институтов. Именно тогда в историографии стало утверждаться положение о самостоятельной правовой мысли и практике крестьянства, о признании за крестьянским обычным правом качества параллельной правовой системы и прямого источника права писаного, государственного.

Сельский православный приход Русского Севера исследовался менее интенсивно. Популярной темой исторических сочинений он стал лишь в последние десятилетия XIX — начале XX вв., т. е. в период известного оживления приходской жизни и набиравшего силу движения за реформирование приходского устройства Синодальной церкви. Изучение приходской истории Севера пошло тогда двумя направлениями — путем подготовки фундаментальных университетских монографий и средствами местного историко-церковного краеведения.

Наиболее яркими итогами первого направления стали работы А. А. Папкова, М. М. Богословского, В. Верюжского и С. В. Юшкова. Итогом их усилий стало формирование общей концепции становления, функционирования и эволюции сельского прихода на Севере России. Мысль о генетическом единстве земского и приходского устройства в регионе, где доминировало черносошное крестьянство с относительной личной свободой и автономией самоуправляемых сообществ, была положена в ее основу. Однако, очевидно, что и эта концепция строилась преимущественно на материалах XV — XVII вв. Развитие же прихода в XVIII в. также очерчивалось лишь в общем плане.

Второе направление реализовывалось через статьи в северной провинциальной периодике, издание отдельных брошюр по истории наиболее известных приходов, а также специальной серии книг, систематизировавших собранные по определенной программе исторические сведения о каждом приходе. Так создавался корпус базовых данных по истории северно-российских приходов.

Вместе с тем, очевидно, что второе направление развивалось как бы минуя концепции и наблюдения первого, а первое редко пользовалось достижениями второго. Не вызывает сомнений, что логика познания темы в конце концов сомкнула бы усилия исследователей, но потрясения 1917 и последующих лет фактически прервали эту тенденцию и надолго вычеркнули историю прихода как самостоятельную тему из сферы допустимого в советской исторической и этнографической науке.

Не удивительно, что достигнутое дореволюционными историками имело свои пределы. Проблемы эволюции северно-российского сельского прихода XVIII в. в полной мере так и не были поставлены, а выявление и осмысление источников остановилось в самом начале.

Отметим в заключение, что в дореволюционной церковно-исторической литературе (В. И. Семеновский, П. Знаменский, А. Ша-

пов, И. Знаменский, М. Хитров, П. В. Верховский и др.) был поставлен ряд общих проблем приходской истории XVIII в., но их заботили, главным образом, судьбы духовного сословия, история же самого прихода была важна как фон и самостоятельного интереса для авторов не представляла. До сих пор не потеряло своего значения церковно-историко-географическое исследование И. Покровского.

В этнографических и исторических исследованиях советской эпохи возвращение к теме крестьянских сообществ происходило постепенно, и, главным образом, в русле изучения общины.

К 1970-м гг. явно определилась потребность в широком межрегиональном сопоставлении жизнедеятельности институтов крестьянской самоорганизации. Исследования В. А. Александрова о сельской общине в России XVII — начала XIX вв. и обычном праве крепостной деревни России XVIII — нач. XIX в. раскрывали общие механизмы действия общины как социального института. По его мнению, как сословный институт, община отражала социальную организацию крестьянства в рамках феодализма, отвечала конкретным условиям, в которые было поставлено крестьянство, была способна приспосабливаться в целях самосохранения к системе определенных общественных отношений.

Вышедшие в свет в 80-е гг. исследования М. М. Громыко вывели проблему общины в широкий контекст национальных традиций и духовной культуры русских крестьян XVIII-XIX вв. Была обрисована организующая роль общины как в повседневных хозяйственных и соционормативных вопросах, так и в периоды обострения противоречий с господствующим классом, а также место общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций.

Большой вклад в осмысление места сельской общины в экономической и социокультурной среде внесли работы Л. В. Даниловой. О сохранении относительной самостоятельности крестьянских институтов в условиях крупной вотчины Шереметьевых говорит и монография Л. С. Прокофьевой.

Ряд специальных работ о северной крестьянской общине подготовил П. А. Колесников, предпринявший ее обзор с древности и до 1920-х гг., и отметивший, что «от тридцатых годов XVII в. и до конца XVIII ст. идет медленный и мучительный процесс становления в северной общине уравнительных земельных переделов». Плодотворной представляется и мысль П. А. Колесникова о том, что оформившаяся в ряде регионов России, в т. ч. и на Севере, система феодальных отношений, названная «государственным

феодализмом», наряду с различными преобразованиями, предусматривала и укрепление общинных начал, что встречало обоюдное понимание как со стороны государства, так и в широкой крестьянской массе.

Большое внимание деятельности мирских властей Вологодского уезда на рубеже XVII-XVIII вв. уделила Е. Н. Швейковская, увидевшая воздействие традиций волостной черносошной общины на владельческую. В дальнейшем — в цикле работ о черносошном крестьянстве Севера XVII века — она плодотворно разрабатывала положение о «мире» как универсальной межформационной доминанте.

Исследованию общины крестьян Коми края XVIII в. были посвящены работы Д. Д. Балуевой и А. К. Гагиевой. В них сделана попытка восстановить механизм повседневного функционирования общины-волости и установлено типологическое единство общин-волостей Коми края с аналогичными сообществами иных регионов Севера. А. А. Лысак затронула судьбы крестьянских сообществ бывших монастырских крестьян северных епархий в первые десятилетия после секуляризации 1764 г., придя к выводу о трансформации общины экономических крестьян в направлении все большей ее подчиненности государственному аппарату.

Большой интерес представляют работы М. Романова, Ю. С. Васильева, А. И. Копанева, З. В. Дмитриевой, Т. В. Старостиной, показывающие историю отдельных волостей.

Новые возможности для сопоставлений и исторических параллелей дают исследования М. М. Громько, Н. Н. Покровского, Н. А. Миненко, В. В. Рабцевич, Т. А. Мамсик, И. В. Побережникова и др., выполненные на материалах Сибири. Цикл монографий М. М. Громько и Н. А. Миненко позволил реконструировать механизмы и традиции жизнедеятельности крестьянских сообществ во всех сферах: материальной, социокультурной, экологической и т. п., открыв новые грани и возможности крестьянских микроструктур в конкретно-исторических условиях XVIII — XIX вв.

Что же касается развития темы о православном приходе Севера в советской историографии, то оно практически не состоялось. Лишь Н. Д. Зольникова исследовала сибирскую приходскую общину XVIII в.: разработала и реализовала методику описания количественных параметров сибирских приходов, структуру приходских институтов, их взаимоотношения с духовенством и круг материальных забот. Важно, что она провела прямую связь традиций устройства и форм жизнедеятельности

сибирских приходских общин с северно-российскими. Выводы Н. Д. Зольниковой о том, что при существенной утрате традиционных прав приходских общин в XVIII в., они продолжали оставаться «живыми единицами самоуправления» представляются весьма убедительными и существенными для понимания судеб Православной церкви в сложный для нее Синодальный период. Автор очертила для себя лишь ту сферу приходского бытия, которая традиционно интересна светскому историку: приходскую общину, т. е. социальный институт, исключив молитвенно-литургическую и сакральную сферу, являющуюся, по сути, смыслом и предназначением прихода как живого органа живой Церкви.

Неразработанность темы о сельском православном приходе Севера лишь в некоторой степени компенсировалась изучением смежных тем — о землевладении приходских церквей (З. А. Огризко), истории религии и атеизма народа коми (Ю. В. Гагарин), северном старообрядчестве (Ю. В. Гагарин, Л. К. Куандыков), народной социальной утопии (А. И. Клибанов) и др. Ценные материалы ввели в научный оборот сборники по аграрной истории Вологодского проблемного объединения, а также сборники по истории общественной мысли и культуры, издаваемые в Новосибирске под ред. Н. Н. Покровского.

К сожалению, явно недостаточны материалы и подходы к теме о сельском православном приходе, которые имеются в вышедших в последние десятилетия общих работах по истории Русской православной церкви и в исследованиях церковных историков, как отечественных, так и зарубежных. Несмотря на то, что в работах, подготовленных в рамках православной традиции, само понимание церковного служения, в том числе и приходского, глубже и тоньше, конкретно-историческая сторона их представляется далеко не полной.

В последнее время появились и первые программно-постановочные работы, определяющие ближайшие проблемы в познании темы, сформировался постоянно действующий семинар о православи и его месте в народной русской культуре (М. М. Громыко).

Помимо исследований, прямо развивающих тему крестьянских сообществ, выделим еще несколько групп работ.

Так, накоплен полезный материал и рождены концепции по ряду смежных проблем и, в первую очередь, в трудах историков крестьянства. Н. М. Дружинин утвердил в нашей историографии представление о статусе государственных крестьян Севера XVIII-первой половины XIX в. как о занимавших «промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными

людьми». Оно основывалось на тщательном исследовании законодательства, длительного периода взаимных отношений государственной власти и казенной (черносошно-государственной) деревни. Автор показал нарастание теории и практики государственного попечительства. На основе мысли В. И. Ленина о «государственном феодализме» Н. М. Дружинин выстроил концепцию антагонистического противоборства государства и крестьянства. В то же время собственно крестьянские сообщества XVIII столетия как субъекты жизненной действительности им практически не рассматривались.

Монография П. А. Колесникова о северной деревне XV-первой половины XIX в. и цикл его статей по историческим, этнографическим, демографическим, историко-географическим сюжетам значительно расширили и углубили фактологическую и концептуальную основу истории северного крестьянства XVIII в. Исследователь предложил и обосновал географо-экономическое районирование Европейского Севера, одним из первых стал встраивать социальные, административные и общественные структуры деревни XVIII века в пространственную и природную среду региона. Исследовав демографические и миграционные сюжеты, он определил этапы в народонаселении края, нарисовал по отношению к XVIII столетию длительную ретро- и перспективу соответствующих процессов.

Заметным явлением в отечественной историографии 60-70-х гг. стала группа работ по истории отдельных категорий русского крестьянства (Я. А. Балагуров, И. А. Булыгин, Ю. С. Васильев, Н. А. Горская, Е. И. Индова, А. И. Копанев, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, А.С. Черевань, Е. Н. Швейковская и др.). Несомненную ценность представляет восстановленная во всей конкретике картина функционирования крестьянского хозяйства, земельных и имущественных отношений, тенденций социальной стратификации различных категорий крестьян, находящихся в различных друг от друга статусно-правовых подсистемах. А. И. Комиссаренко представил редкие материалы о формировании антикрепостнического мировоззрения крестьян XVIII в. В исследовании о состоянии духовных вотчин накануне секуляризации, он показал систему управления вотчинами и особый статус мирского самоуправления в монастырских владениях. И. В. Власова, исследуя традиции крестьянского землепользования XVII-XVIII вв. и сопоставляя их в рамках природно-географически близких регионов — Поморья и Сибири — рассмотрела воздействие крестьянской общины и обычного права на развитие

поземельных отношений и традиции земледелия. Убедительными представляются подходы автора к определению влияния подушной подати и Генерального межевания на переход к поземельной общине с уравнительными переделами. Автор показала эффективность метода картографирования, позволившего, казалось бы, в известном обнаружить скрытую информацию. Диссертации Н. Л. Конькова и О. Б. Кох обрисовали конкретно-историческую среду Двинского края XVIII в. Существенные предопосылки для расширения представлений о социокультурном и духовно-нравственном контексте жизнедеятельности крестьянских сообществ дают этнографические исследования народной культуры, традиций, этносознания, общественного и домашнего быта (Т. А. Бернштам, А. В. Буганов, Т. А. Воронина, А. Н. Давыдов, С. И. Дмитриева, Л. Н. Жеребцов, А. П. Лашук, Н. П. Лютикова, К. К. Логинов, Н. М. Терехихин, А. А. Угрюмов, Т. Б. Щепанская). Ныне этот массив данных о традициях и культуре ареалов нуждается в новом осмыслении общих тенденций и состояния народной духовной и материальной культуры. В этой связи приобретает особую значимость цикл работ М. М. Громыко, показывающий, что «в целом в этнокультурном развитии русского крестьянства преобладали консолидационные процессы при высокой вариативности частного характера». Этот принципиально важный вывод имеет непосредственное отношение и к традициям крестьянского общежития.

Ценную информацию содержат исследования народонаселения и территориально-пространственных систем Севера. В работах М. В. Витова и И. В. Власовой о системах расселения Заонежья, Западного Поморья и Устюжского края за длительный исторический период XVI-XX вв. был обоснован блок базовых понятий, необходимых для характеристики типов расселения, заселения и поселений, а также форм поселения. Социальная сущность поселений органически увязывалась не только с внутренними хозяйственными и экономическими процессами, но и с особенностями процесса заселения местности, его планировкой и группировкой поселений. Аналогичные материалы по Коми краю представлены А. П. Лашуком, Л. Н. Жеребцовым, по Яренским и Кеврольским землям — Н. П. Воскобойниковой и М. А. Мацуком, по Мезени — А. П. Афанасьевым, по Ваге и Каргополью — Ю. С. Васильевым.

Обобщенные подсчеты народонаселения по региону и их сопоставимый анализ произведены В. М. Кабузаном и Я. Е. Водарским.

К ним близко примыкают работы по типологическому анализу среды обитания, принадлежащие историкам архитектуры (В. П. Орфинскому, П. П. Медведеву, Ю. С. Ушакову, а также А. В. Ополовникову) и исследователям исторической географии ландшафтов (Е. А. Скупинова).

Историографический обзор выявил, на наш взгляд, явный недостаток исследований, непосредственно освещающих состояние и эволюцию крестьянских сообществ на Европейском Севере России в XVIII столетии. Эта эпоха стала своего рода «нейтральной полосой» — историки предпочли, главным образом, сосредоточиться на более ранних эпохах, а этнографические работы освещают чаще всего век XIX-ый и последующие. Однако, накоплен огромный материал и рождены концепции по ряду смежных и близких проблем, без чего была бы невозможной постановка и решение сформулированных нами исследовательских задач.

Источники. Основу для исследования составили несколько групп источников, как опубликованных, так и архивных; последние сконцентрированы в девяти архивохранилищах: Российском государственном архиве древних актов (Москва), Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург), Государственном архиве Вологодской области (Вологда), его филиале в г. Великом Устюге, Государственном архиве Архангельской области (Архангельск), Центральном государственном архиве Карелии (Петрозаводск), Центральном государственном архиве Республики Коми (Сыктывкар) и Научном архиве Коми научного центра УрО РАН. Акцент делался на вовлечение в научный оборот источников из местных архивов Севера, все еще недостаточно используемых.

Из опубликованных материалов были привлечены нормативные и законодательные акты государственного и церковного происхождения, включенные в «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ-1, тт. I-XXVI), «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», а также «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи». Особую группу опубликованных материалов составили итоги некоторых научных обследований Севера, проводимых в рамках программ Академии наук, подворных переписей и анкетных обследований, издания Вольного экономического общества, публикации северного летописания, а также публикация в «Сборнике императорского российского исторического общества» (Т. 123,

СПб., 1907), наказов северных государственных крестьян в Уложенную комиссию 1767-68 гг.

Большой информативной насыщенностью обладают документальные публикации, предпринимаемые Северным отделением Археографической комиссии РАН. Среди них — публикации П. А. Колесниковым итогов ревизий по всем уездам Севера, экономических примечаний к Генеральному межеванию по ряду территорий, переписей начала XVIII в. (переписных и окладных книг, ландратских переписей), а также материалов по мобилизации северного податного населения в первой четверти XVIII в.

Основной источниковый фонд диссертации составили архивные материалы, подразделяемые на несколько видов.

К первому виду отнесем нормативные акты светской и церковной власти, позволившие представить действие на местах общегосударственных и общецерковных установлений. Особое положение при этом занимают послания севернорусских архиереев к пастве, их решения по вопросам богослужения, требоисправления, душепопечительства и толкования догматов, поскольку юрисдикция епископа как главы епархии по этим темам была весьма обширной, что объясняется статусом епископа в православном учении о Церкви.

Второй вид составили экономико-географические и статистические описания, картографические материалы, рожденные Генеральным межеванием, а также материалы ревизий.

Третью группу представляют источники, рожденные государственным, церковным и крестьянским делопроизводством.

Прежде всего это массив распорядительных документов: приказов, инструкций, циркуляров, промеморий и др. Особое значение придавалось распорядительным документам, направляемым непосредственно в крестьянские сообщества — инструкциям и наставлениям старостам и сотским, церковным старостам и «поповским заказчикам». Конкретные и актуальные для каждого времени ситуации и вопросы отразились и в сохранившихся инструкциях различным чиновным людям, выезжающим на места для контроля, ревизии, сбора информации, выяснения «нужд» и пр. Все вместе, они дают представление о той смене акцентов в регулировании крестьянских сообществ, которая в течение века происходила в светских и церковных структурах.

В ответ на распорядительные акты властей снизу поднимался не меньший поток документов докладного характера: доклады, рапорты, донесения, представления, записки и пр. Наиболее массовый характер имеют рапорты, что порождает свои источни-

коведческие проблемы при их изучении, вызванные как стандартизацией формуляра, так и укрытием реалий деревенской и приходской жизни. Более интересны донесения и различные служебные записки, содержащие детальное описание неординарных ситуаций и событий.

Делопроизводство второй половины XVIII в. породило весьма важную протокольную документацию, среди которой информационным разнообразием выделяются журналы заседаний наместнического и губернского правлений, нижнего земского суда и нижних земских расправ и др.

Многочисленны регистрационно-учетные и статистические документы. Среди них выделяются своей сохранностью и массовостью метрические и исповедные книги, пользующиеся заслуженным вниманием не одного поколения историков и этнографов. Изучены также ведомости и реестры: списки церквей, духовенства, реестры рекрутов, ведомости детей духовенства, сводные данные об урожаях, об имущественном состоянии крестьян и духовенства, перечни учащих семинарий и т. п.

Сохранились послужные сведения о приходском духовенстве, а от последних десятилетий XVIII в. — и о выборных лицах крестьянского мира. При этом особую ценность представляют мирские приговоры о выборе сотских, старост, рекрутских целовальников, «счетчиков», сборщиков, заседателей. Отдельную статью составляют документы, сопровождающие поставление приходского священника: «мирской излюб», личное челобитие кандидата в священный сан, ставленная грамота. Функциональная роль каждого из них на протяжении столетия существенно менялась, отражая смену подхода Синодального и епархиального руководства к формированию пастырского корпуса.

Четвертую группу источников составили публично-частные и частно-публичные акты, заключаемые в крестьянской среде: порядные, поручительства, отпускные и приемные письма, расписки, подписки, квитанции, изветы, доверенности, поступочные и договорные письма, свидетельства, согласные подписки, одобрительные письма, мирские и групповые челобития. Чаще всего они сохранились в отрыве от источников, могущих объяснить обстоятельства дела и его завершение. Тем не менее, каждый из таких документов проясняет конкретные обстоятельства деревенской жизни, позволяет восстанавливать многое из внутридеревенских отношений, не имеющих прямого отражения в иных архивных источниках.

Пятую группу составили судебнo-следственные и процессуальные материалы. Среди них можно различать источники, рожденные в государственных и церковных органах, и материалы разбирательств в рамках крестьянских сообществ, производимых на нормах обычного права. Эти источники позволили очертить своего рода «зону конфликтов» в государственной деревне и выявить динамику и направленность ее развития.

В целом, разнообразие форм информации (количественная, аналитическая, описательная, изобразительная) и типов (первичная и сводная, сплошная и выборочная), полученной из использованного фонда источников, дает основание для вывода о том, что он вполне достаточен для решения поставленных задач. Вместе с тем, некоторые стороны поставленной в диссертации темы отражены в источниках на грани допустимого минимума. В таких случаях ценность фактов и свидетельств заметно возрастает, но какой-либо статистический подход к подобной информации становится неуместным. Единичное или многократное упоминание о тех или иных нормах поведения, обычаях или ритуалах, в таких случаях служит слабым основанием для суждений о степени их распространения. Думается, что на современном уровне познания темы это обязывает нас к наиболее полному учету всех случаев подобной информации, особенно, если то или иное событие представлено развернуто.

Апробация работы. Основные наблюдения и выводы исследования были представлены в сообщениях и докладах автора на сессиях Всесоюзного аграрного симпозиума (Таллин, 1984; Казань, 1986; Минск, 1989; Екатеринбург, 1991), Всероссийских научных конференциях, проводимых при участии Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера России (Вологда, 1987, 1989, 1992; Архангельск, 1991; Петрозаводск, 1990; Сыктывкар, 1988, 1990), Всероссийской научной конференции «Просвещение в контексте национальных культур» (Москва, 1989), «История взаимодействия общества и природы: факты и концепции» (Москва, 1990), Вологодской сессии международного Сергиевского конгресса (Вологда, 1992), в Центре по истории религий Института российской истории РАН (1993) и научном семинаре «Православие в русской культуре» Института этнологии и антропологии РАН (1993). Отдельные разделы диссертации обсуждались на заседании отдела истории России периода феодализма Института истории СССР АН СССР (1988, 1990). В целом диссертация была обсуждена на кафедре Отечественной истории Вологодского государственного педагогиче-

ческого института и на совместном заседании группы исторической этнографии и конфессиональной этнографии при Центре русских исследований Института этнологии и антропологии РАН (1993).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

Диссертация состоит из *Введения*, *трех разделов* (каждый из которых включает две главы) и *Заключения*. В Приложение к диссертации внесены табличные материалы, характеризующие крестьянские сообщества, систему приходских храмоименований Севера, а также сведения об использованных источниках и список литературы.

Введение определяет цели, задачи и принципы исследования, степень изученности проблемы, содержит анализ источников.

Раздел первый «Территория и население» включает в себя две главы, в которых последовательно охарактеризована иерархия пространственно-расселенческих систем региона и типология внутреннего пространства традиционных крестьянских сообществ.

Глава первая — «Внешнее пространство» — посвящена анализу трех уровней пространственных систем, в которых каждое из крестьянских сообществ осуществляло свою жизнедеятельность. Прежде всего обосновано единство макротерриториального жизненного пространства Европейского Севера России, под которым понимается (если следовать районированию, разработанному П. А. Колесниковым, И. В. Власовой, А. А. Преображенским, Ю. С. Васильевым) территория от водораздела Северной Двины и Волги (на юге) до берегов Ледовитого океана (на севере), от Уральских гор (на востоке) до Финляндии (на западе), но без пермско-соликамской зоны, как более тяготеющей в XVIII в. к Уралу, и Вологодско-Белозерского ареала, крестьяне которого находились в сфере частнофеодальной эксплуатации. В пределах выделенной макротерритории к началу XVIII в. проживало ок. 600 тыс. крестьян, объединенных в 487 территориальных сообществ типа «волость» и — одновременно — в 913 православных приходов.

К исходу XVII в. завершился период формирования севернорусской этнографической общности, ее социально-хозяйственных и культурно-бытовых признаков. Структурно-пространственной и коммуникативной основой макротерритории стало приречно-приозерное (приводомное) очаговое расселение, его органичная связь с природным ландшафтом при общей невысокой

плотности населения. Установлено, что именно это обеспечило к XVII в. единый хозяйственно-культурный тип, важнейшей чертой которого стало оптимальное согласование между: а) особой системой земледелия и землепользования, б) специфической системой расселения, в) влиятельной крестьянской поземельной территориальной организацией. Социально-правовой доминантой макротерритории было преобладание черносошно-государственного крестьянства и механизмов управления и эксплуатации, свойственных системе «государственного феодализма». В начале XVIII в. в ходе петровских реформ северно-российская макротерритория получила и вполне законченное административное оформление в виде Архангелогородской губернии, а в конце столетия — в форме Вологодского наместничества. С XVI в. усилилась духовная общность макротерритории: именно тогда Север покрывался разветвленной сетью сельских православных приходов, чья деятельность укреплялась, главным образом, духовным воздействием многочисленных монастырей. В 1682 г. Холмогоры и В. Устюг становятся кафедральными городами новоучрежденных епархий, что означало завершение строительства церковной организации во всей полноте на всей макротерритории.

В пределах макротерритории выделяются особые зоны — субтерритории, т. е. части региона с наиболее общими чертами развития. Первую составили Тотемские, Великоустюжские, Сольвычегодские и в известной степени Яренские земли (10% площади рассматриваемой макротерритории и 37% населения). Признанным административным, церковным, культурным и торгово-хозяйственным центром ее был В. Устюг. Вторую субтерриторию образовали земли среднего и нижнего Подвинья, бассейны Ваги (с Устьянскими волостями) и Пинеги, побережье Двинской и Онежской губы Белого моря, Турчасов стан, а также исторически и географически тяготевший к Нижнему Подвинью Мезенский край. Они охватывали 18% площади и вмещали 33% населения. Несомненным центром субтерритории долгое время были Холмогоры, уступившие в XVIII в. эту роль Архангельску. Третью систему представляли северо-западные земли: Каргопольский уезд (без Турчасова стана), Олонекские земли и Заонежские погосты (9% площади и 25% населения). Центр субтерритории перемещался — с XVI в. им был Каргополь, к XVIII в. — Олонец, впоследствии — Петрозаводск. На протяжении столетия контуры субтерриторий поддерживались образованием провинций и спархий, в основном совпадавшими с их пределами.

Помимо субтерриторий в пространственной организации Севера выделяются две периферийные зоны (Кольская и Пустозерская), охватывающие половину площади Севера, но крайне малонаселенные — 1,5% жителей.

Относительно самостоятельные системы расселения, естественно-историческим путем сложившиеся в бассейнах крупных северных рек или озерно-речных систем образовали мезотерритории. К XVII в. они оформились в уезды, приобретя таким образом административно-государственный статус. Каждая из мезотерриторий обладала своими специфическими признаками, что придавало известное сходство ее крестьянским сообществам. Именно в рамках мезотерриторий формировалась и приобретала реальную ценность своего рода иерархия крестьянских сообществ — центральные и периферийные, досягаемые для оперативного управления и труднодоступные, дочерние и материнские, сложившиеся естественно и учрежденные искусственно и др.

Для специального рассмотрения вычленяются микротерритории — малые системы сообществ, в большом количестве складывавшиеся в рамках каждой из мезотерриторий. Они оформлялись под воздействием ряда факторов: а) исторической общности, получавшей в ряде случаев формальный или полужурформальный статус: земли, станы, трети и т. п.; б) временных союзов для совместных действий; в) общего несения государственных повинностей, таких как рекрутская, трудовые мобилизации, охрана лесов и пр.; г) географической близости и удобства средств сообщения; д) принадлежности к той или иной категории крестьян; е) общего владения или пользования угодьями и др. Приходские сообщества укрепляли единство микротерриторий путем образования кругов храмоименований в пределах микротерритории; посредством церковно-административного единения в заказы (благочиния); благодаря возникновению межприходских сфер почитания местных православных святых и др.

Микротерритории оказывались весьма прочными образованиями. В будущем, после реформы П. Д. Киселева многие из них составят основу новых укрупненных волостей. В ряде микротерриторий, как показывают этнографические исследования, выполненные на более поздних материалах, складывались самоназвания групп населения и специфика этнокультурной среды.

Глава вторая — «Внутреннее пространство»- содержит анализ количественных параметров (численность населенных мест, плотность, пределы) и наиболее распространенных вариантов организации внутреннего пространства крестьянских сооб-

ществ. Детальное рассмотрение количественных параметров волостей по мезотерриториям и существовавшие в официальных нормативных актах и крестьянском сознании представления, позволили выделить четыре типа волостей: а) очень крупные: более 3 тыс. чел. (1,8% сообществ, 7,6% населения); б) крупные: от 1000 до 3000 чел. (33,5% волостей, 56,1% населения); в) средние: от 500 до 1000 чел. (31,4% волостей, 26,1% населения); г) мелкие: до 500 чел. (33,3% волостей, 10,2% населения).

Обращают на себя внимание некоторые локальные особенности в количественных характеристиках волостей:

— в земледельческих районах старого и плотного заселения, при стабильной демографической ситуации и прекращении миграционных потоков, наблюдается большая пестрота в размерах волостей;

— в землях нижнего и среднего Подвинья, по Пинеге и Мезени, где население тяготело к прибрежным ландшафтам мощных северных рек, а наряду с земледелием большую роль играло животноводство, сходство условий уменьшало их многовариантность;

— в северо-восточных землях (Коми край), где чернососшные волости буквально терялись в лесной стране, они становились компактнее;

— в земледельческих районах относительно позднего заселения, куда и в XVIII веке продолжались миграционные потоки, где население обживало малые лесные реки, могли складываться большие волости-конфедерации, каждая из которых делилась на станы, приходы, концы и т. п.

Проведенная параллельно демографическая и расселенческая характеристика приходов дала еще одну типологизацию: I тип составила группа приходов, где населенность превышала 1000 человек. Для таких приходов церковные власти разрешали иметь двойной, а если нужно, то и тройной клир — 2-х священников, 2-х дьячков, 2-х пономарей и т. д. К этому типу относится 32,2% приходов. Его варианты: а) большое село и примыкающие к нему несколько мелких поселений: приморский вариант; б) большое число деревень, размещенных в непосредственной близости: плотно заселенные районы Подвинья, Посухонья, местности вдоль Вычегды; в) большое количество деревень, разбросанных на значительном расстоянии: в зонах водораздела и по суходолу. Тип II — средние приходы с населением от 500 до 1000 человек, 37,4% от общего количества приходов. Варианты: а) компактное размещение деревень: Нижнее подвинье, Коми край; б) поселения

разбросаны на значительные расстояния: места сравнительно недавнего земледельческого и промыслового освоения. Тип III — малые приходы, где прихожан менее 500 (30,3%). Варианты: а) приход, сложившийся вокруг бывшего небольшого монастыря или пустыни; б) вновь образованный приход, отпочковавшийся от разросшегося на местах новых заселений и путях миграционных перемещений; в) приход, основанный покровителями — предпринимателями, казной и пр.

Выделены наиболее типичные случаи внутривоlostной и внутрприходской топографии: волости, хорошо связанные естественными и искусственными коммуникациями, с ярко выраженным многоцентрием и расчленением духовного и светского центра; волости, растянутые вдоль небольшой реки с ярко выраженным центральным кустом деревень и «периферией»; притрактовые волости с единым центром и с рассеянными в лесной целине починками; волости, расположенные на одном берегу крупных рек с ассиметрично расположенным погостом и др.

Отмечается, что приходская жизнь создавала вполне завершенную организацию пространства, свою сакральную топографию и особые функциональные зоны. Среди последних повсеместно выделялась малая зона (комплекс приходских храмов, колокольня, кладбище), отделявшаяся от мирских застроек определенным пространством, а также большая зона (сооружения и знаки по всей территории прихода — часовни, поклонные и памятные кресты, приписные церкви, обетные камни и др.). Обе зоны были в зримом и незримом единстве и взаимопроникновении, которое составляло важнейшую часть приходского организма, являлось особенностью духовной культуры и обустройства крестьянского общежития.

Две трети крестьян Севера проживали в условиях относительно крупных волостных сообществ, в коих принимать реальное участие в самоуправлении могло одновременно от 200 до 600 и более человек. Здесь складывались условия для формирования представительного самоуправления, а положение выборного мирского лица могло дистанцироваться от основной массы крестьян и приобретать признаки официоза. Треть сельского населения проживала в средних и малых волостях, где численность «правоспособных» колебалась в пределах 30-80 человек, а властные функции мирских должностных лиц сохраняли признаки патриархальности. По количеству таких сообществ было в 2 раза больше, чем крупных. В условиях бюрократизации управления они все менее совпадали с нормами усложняющегося делопроизводства,

а властность их выборных лиц и возможности принуждения всегда оставались проблематичными, особенно в конфликтных ситуациях.

Аналогичным было распределение крестьян по приходам и соотношение крупных, средних и малых приходов. Но поскольку в рамках крупных приходов учреждался двойной клир, то условия для требоисправления, душепопечительства, научения вере и участия в литургическом единении как бы сближались, в меньшей степени определялись размерами прихода. Этому содействовала и более выразительная и насыщенная приходская топография. Важно и то, что при неоднократных попытках властей стандартизировать приходы, ни один из северорусских архиереев даже не приступал к ломке устоявшихся приходских пределов.

В течение XVIII в. было сохранено главное достоинство протестантской организации крестьянских сообществ — ее многовариантность. В условиях огромного региона с редким населением и растянутыми коммуникациями такая гибкость крестьянского общественного устройства признавалась всеми сторонами — государством, Церковью и крестьянством. Многовариантность создавала своего рода межприходскую и межволостную иерархию, которая гасила издержки изоляции малых и средних сообществ.

В разделе втором — «Организация» — предпринимается анализ эволюции традиционных институтов крестьянской самоорганизации в пределах XVIII в.

Глава третья рассматривает состояние и развитие волостных институтов. На Севере Европейской России они и в XVIII в. продолжали оставаться — в главном — в рамках традиций и вполне сохраняли известный дуализм. Будучи средством крестьянской самоорганизации, интегрированным в государственно-властную структуру, мирские институты по-прежнему были сориентированы на достижение возможного баланса интересов казны, общины и отдельного крестьянского хозяйства. Такая направленность обусловила его четыре ветви: а) мирской сход в различных его вариантах: полный (валовой), неполный (избирательный), деревенский, неформальный (инициативный) и др.; б) выборных должностных лиц, связанных друг с другом взаимной зависимостью и соподчинением: сотский, староста, целовальник, сборщик, выборный, рекрутский голова, пятидесятский, десятский; в) порученцев, выполнявших разовые задания крестьянского сообщества или его отдельных заинтересованных групп: посыльщики-ходатаи, посыльщики-агенты, посыльщики-сопроводители, понятые, поручители, счетчики, оценщики; г) лиц, работавших в

«аппарате» волости по найму: мирские писчики, ручники, сторожа, приставы, кормишки. К тому же постоянно существовал слой крестьян, проявлявших повышенную активность в делах сообщества: постоянные участники сходов, грамотей, книжники, старожилы, отставные солдаты и др.

Развитие системы абсолютизма и бюрократических тенденций в XVIII столетии стало подводить под эту традиционную систему нормы всеохватывающего государственного законодательства. Важно, что к концу столетия все должностные выборные лица волости имели установленный государством и закрепленный в различных правовых актах общегосударственного и местного значения перечень должностных обязанностей, а также формы текущей и итоговой отчетности, перечень санкций за уклонение от надлежащего порядка деятельности. Номенклатура таких выборных должностных лиц стала унифицироваться и разрастаться за счет появления рекрутских голов, выборных, заседателей и др. Все они вводились в должность специальными актами местных властей и несли персональную ответственность не только перед миром, но и перед уездной или ведомственной администрацией. Наблюдалась переоценка престижности и общественной значимости выборных должностей в глазах крестьян, фиксировались случаи уклонения от избрания. Поэтому довольно острой к концу века становится проблема резервов для вакантных мест в мирском управлении.

На этом фоне повсеместное распространение находит обычай в важнейших делах опираться на миссии мирских посыльщиков. Волей-неволей именно они, обивая пороги присутственных мест, были ходатаями и агентами крестьянского сообщества, носителем его интересов и инициативы. Их роль и престиж заметно возросли. Деревня как бы укреплялась во мнении, что значительная группа проблем может отныне успешно решаться за пределами крестьянского сообщества. Показательно также, что институт мирских посыльщиков мог более гибко служить интересам различных групп крестьянского сообщества (большеземельных, малоземельных, семейных и родственных кланов, соседских объединений и пр.). Усиление данной ветви крестьянского самоуправления как бы компенсировало нарастающую «зажатость» и зарегламентированность формальных должностных лиц волости.

Глава четвёртая содержит анализ внутрисприходской иерархии. Ее особенностями были вызваны как православными представлениями о священстве, так и традиционным распределением функций в жизнедеятельности прихода. Сама иерархия была

представлена следующим образом: священнослужители — церковнослужители — приходской актив — прихожане.

Первые две группы представляли приходской клир. В случае полного укомплектования штатов клир сельских приходов Севера в середине XVIII в. равнялся 4 тыс. чел. Один священник приходился в среднем на 360 душ м. п. (ок. 800 чел.). К концу века общее число священно- и церковнослужителей на той же территории составило 4,7 тыс. чел. Корпус служителей церкви рос быстрее, чем население. Общая тенденция приходских штатов состояла в повсеместном переходе к стабильному 3-членному клиру (священник, дьячок, пономарь), а там, где можно — к 4-членному (добавлялся дьякон).

Статус приходского актива — церковных старост (приказчиков), трапезников, часовенных старост — претерпел видимые и существенные изменения: под воздействием энергичных усилий северно-российских архиереев круг их полномочий был ограничен ведением храмового хозяйства под началом и контролем приходского священника.

В рядах прихожан выделены функционально-ролевые группы. Одни из них были вызваны половозрастным и поколенным составом деревни: взрослые семейные люди, дети и подростки, женихи и невесты, старики, старые девы и холостяки, сироты. Другие формировались в зависимости от форм проявления религиозных чувств: вкладчики, книжники, грамотеи, паломники. Третьи — выделялись спецификой поведения и деятельности и составляли приходские маргиналии: знахари, нищие, калеки, люди с неустойчивой психикой. Каждая из названных групп находила в приходской, религиозной сфере деревенской жизни возможности для проявления своего жизненного опыта. Именно соотнесение этого опыта с православным мировоззрением, точки совпадения и расхождения выделяли их в отдельные внутриприходские группы, формировали общественно-религиозный статус.

В каждом приходском сообществе фиксируется схожая внутренняя среда: однотипные демографические пропорции, относительная однородность сословного состава, бытование одних и тех же групп прихожан, игравших существенную роль в сфере душепопечительства. Очевидно, что традиция как бы перекладывала часть этой задачи на самих прихожан. В этой связи ролевое назначение отдельных внутриприходских групп — всеми понимаемое и признаваемое — существенно восполняло недостаток прямого пастырского воздействия, компенсировало его. Опыт самоорганизации общественной и духовной жизни северной де-

ревни, не нарушая канонов Православия и во многом под их воздействием, всем нашел свое место и всех включил в качестве объектов и субъектов в ее течение.

Раздел третий — «Жизнедеятельность» — содержит анализ тенденций повседневной деятельности крестьянских сообществ в XVIII веке.

Г л а в а п я т а я характеризует тенденции мирской самоорганизации. В порядке замещения мирских должностных лиц сохраняются обычаи соблюдения очередности деревень, предпочтения лиц из центральных деревень (кустов) волости, учета посильности ноши общественного служения для данного кандидата, его рачительности и состоятельности, личных достоинств и пр. Сопоставление требований к кандидатам на мирские должности у мира и у властей но абсолютному большинству позиций показывает сходство. Отличия же наблюдаются в том, что мир — по причине неизбежных тягот общественного служения — делает акцент на его очередности и посильности, власти же — на исполнительности, «челеностном старании» и добром поведении. Обе стороны осуждали факты избрания лиц случайных, пристрастных, корыстных, а также откровенно выражающих узкогрупповые интересы. Однако пресечь такую практику не могли ни крестьянские миры, ни местные власти. Первые порой не были в силах обуздать влиятельный деревенский клан и уповали на восстановление справедливости с помощью административного вмешательства, а вторые не выработали какого-либо эффективного механизма для управления мирскими выборами и при всем желании сохранять в волостях согласие и равновесие сил ограничивались либо призывами, либо запоздалой реакцией.

Попытка определить типы деревенских общественных деятелей выявила четыре группы участников деревенского самоуправления:

— крестьяне, проявившие на различных мирских должностях или при исполнении неоднократных отдельных поручений «мира» немалые способности, определенную компетентность, а главное — готовность к такой деятельности, завоевавшие авторитет либо всей волости, либо определенной ее группы; в каждой волости таких крестьян в рамках одного поколения наберется не так уж много;

— крестьяне, ставшие на путь общественного служения в силу необходимости (например, по очереди), раз его исполнившие и больше никогда не встречающиеся на этом поприще; таких значительно больше;

— крестьяне, сознательно поставленные на ту или иную должность для прикрытия групповых или клановых интересов, но не обладающие даже минимальными данными для общественных дел («против крестьян говорить не могущие», «незнающие», «можно их честь в иных местах не первыми людьми, но разве первыми дураками»);

— крестьяне, путем подкупов, угощений или других средств занявшие какую-либо должность для достижения своекорыстных целей; об этих «общественных деятелях» чаще всего известно из судебных дел, последовавших вслед за жалобами крестьян.

Наибольший интерес представляет первая группа, внутри которой также немало разнообразие личных и общественных установок и ориентиров: добросовестно служащие общему делу; никогда не занимавшие первые должности и избегавшие участвовать в острых ситуациях; сознательные выразители интересов крупного деревенского клана и т. п. Обнаруживается бытование многопоколенных династий общественных деятелей. В диссертации восстанавливаются конкретные биографии и факты общественной деятельности ряда деятелей этой группы. Особое внимание уделяется судьбам и деятельности крестьян-депутатов Уложенной комиссии 1767-68 гг., чье общественное служение вышло далеко за рамки волости и прихода и сумело оказать воздействие на понимание различными направлениями общественной мысли России как крестьянского вопроса в целом, так и насущных проблем Севера, в частности.

В поведении мирских выборных лиц всегда присутствовало гибкое приспособление к официальным нормативным стандартам, а также традициям и мнению общины. Ряд исследователей склонны в связи с этим подчеркивать конформизм социальной психологии и поведенческой культуры крестьян. Понимая всю условность такого определения применительно к столь отдаленной эпохе, и полагая, что этим социологическим измерением можно определить лишь одну из многих — не более того — тенденций деревенского общественного служения, мы все же отмечаем накопление опыта конформизма. Но считаем важным подчеркнуть, что конформизм в казенной деревне приобретал существенные особенности.

Чтобы охарактеризовать их, попытаемся представить деятельность деревенских активистов как бы состоящую из двух сфер — внутренней и внешней. К первой отнесем регулирование земельных отношений и вопросов природопользования, имущественных и семейных дел, разбор конфликтных ситуаций и мелких

правонарушений, «блудные дела», выдачу паспортов и покормежных писем и пр. Ни одно из решений по указанным вопросам не принималось единолично, в подавляющем большинстве староста, сотский и выборные люди были во власти норм обычного права, являлись лишь исполнителями общественного и группового мнения. Даже тогда, когда это мнение фактически не испрашивалось (сход не собирался), сельские должностные лица только потому и рисковали принимать решение самостоятельно, что предполагали его наверняка. Если понимать под конформизмом приспособление и подчинение деревенского деятеля общине на основе обычая, то в таких случаях он проявляется достаточно очевидно. В то же время ясно и то, что все чаще наблюдались отходы от традиционных путей решения внутримирских проблем, если они — проблемы — порождались новыми явлениями и процессами, свойственными лишь XVIII веку. Поэтому со временем нарастала задача примирить с ними традицию. В этом одна из граней внутримирского конформизма тех лет.

К внешней деятельности отнесем регулирование обязанностей перед государством (налоги, мобилизации, рекрутчина, натуральные повинности, сыск беглых и т. п.). Было ли общественное служение крестьянина столь же подчинено государству, как общине?

Законы и распоряжения властей никогда не исполнялись буквально. Они как бы перерабатывались мирской управленческой практикой, адаптировались к конкретным условиям и традициям. К тому же, как только волостной актив сталкивался с заданиями необязательными, он находил верные пути вообще избежать ненужных затруднений. Своеобразие конформизма было и в том, что во всех случаях обращения в государственные органы крестьяне всегда находили возможность представить свои действия направленными на борьбу «за» законность, «против» ее нарушений. Думается, что конформизм такого рода являлся своеобразным тактическим ходом в условиях нарастающей системы попечительства в государственной деревне. Одним из путей общественного служения становилось искусство предугадать в каждом конкретном случае линию поведения и реакцию властей. Опыт черносотенной деревни, обогащенный реалиями XVIII столетия, почти безошибочно подсказывал ту форму обращения и те аргументы, которые — прежде всего по форме — в наибольшей степени соответствовали официальным нормам и стандартам. Сказывалось и то, что в среде общественно деятельного крестьянства наблюдался заметный рост правосознания. Общественное служе-

ние благодаря этой тактике способствовало решению двуединой задачи: с одной стороны, в соответствии с законом обеспечивало выполнение общегосударственных программ и заданий (строительство, комплектация армии, исполнение бюджета), а с другой — находило такие внутренние резервы и средства (порой весьма жесткие) их обеспечения, которые все-таки позволяли не подрывать нормальную жизнедеятельность крестьянского сообщества в целом. Крестьянство в лице своих выборных получало возможность воздействовать на администрацию.

В деревенском общественном служении нарастала «зона конфликтов»: все больше становилось споров, обид и утеснений, случавшихся при решении вопросов землепользования и налогообложения, формировались различные подходы к пониманию справедливости. Сплошь и рядом крестьянские должностные лица вставали перед проблемой выбора между долгом и личной позицией. Долг обязывал опираться на традицию, мирское согласие или, в крайнем случае, на мнение абсолютного большинства. Личная же позиция могла определяться интересами малой группы. В итоге деревенские структуры волей-неволей втягивались в обстановку морального конфликта. Возможно, именно это повлекло за собой ряд малопривычных явлений в практике общественного служения. Так, наблюдаются случаи, когда — даже в малозначительных вопросах — должностные лица уходят от ответственности и отказываются ставить свои фамилии под групповыми решениями, представляя дело полностью на усмотрение администрации. Фиксируется отказ «лучших» непосредственно участвовать в крестьянском управлении. В общественном служении заметно расширилась «зона конфликтов» и это способствовало появлению признаков разлада в крестьянском общественном сознании.

Глава шестая содержит историко-этнографическую реконструкцию традиций и новаций северно-российского сельского православного прихода. Важнейшим проявлением приходской общности было храмовое богослужение. В течение XVIII века нарастал епархиальный контроль за уставным чинопоследованием и полнотой богослужения, специальные усилия предпринимались церковным руководством по становлению проповеди, внедрению в богослужебную практику общественно-политических мотивов и др.

Новые веяния усматриваются и в условиях совершения важнейших христианских таинств. С конца XVIII века в течение нескольких десятилетий последовательно нарастали различные

формы их учета: венечные памяти, брачные обыски, исповедные книги, регистрации крещений и смертей. Несмотря на самые добрые побуждения, движимые инициаторами подобной практики, важнейшие христианские таинства, должны исходить исключительно из внутренней потребности человека, стали по ряду признаков напоминать государственную повинность. Особенно много внимания уделялось регистрации явки на исповедь и к причастию в исповедных книгах. Отмечается имевший место очаговый характер массовой неявки (в отдельных приходах до 68% прихожан). Выделяется ряд факторов, порождавших подобную ситуацию: непоследовательные и неуместные действия светской власти, вводящие в практику таинств признаки принуждения, влияние старообрядчества, отсутствие в отдельных семьях осознанной потребности в систематическом исповедании и причащении. Вместе с тем, материалы церковных архивов свидетельствуют, что в целом по Северу ежегодная волна исповедования и причащения, особенно активно охватывающая прихожан в дни Четырехдесятницы, превращалась в особое приходское общение на основе православного понимания самоочищения постом, покаянием и богообщением.

Источники позволили представить приходскую жизнь вне храма (крестные ходы, общественные молебны, престольные праздники), кануны (Холмогорский, Пинежский уезды), поварки (Шенкурский), братчины (Вельский) и др.), а также систематизировать материал о различного рода приходских отношениях, вызванных к жизни общими имущественными, хозяйственными и финансовыми делами. Важнейшими среди них были коллективные обязательства прихожан по содержанию и украшению приходского храма, а также достойному материальному обеспечению приходского клира. Сохранялась практика сдачи церковной земли в аренду или половникам, систематической продажи хлеба и сена с церковных пожен. Распоряжение денежными суммами и церковно-приходскими земельными угодьями по-прежнему входило в компетенцию прихода с той лишь существенной разницей (по сравнению с предыдущими веками), что оно было поставлено под жесткий контроль епархиальных властей. Прихожане из хозяина церковной собственности, какими они полагали себя в предыдущие столетия, становились подконтрольными пользователями. Однако и такой статус сохранял основу для общих забот и интересов, особых форм приходского учета и контроля, поисков обоюдной выгоды и др.

Разрастающаяся в XVIII веке приходская номенклатура обязательного учетно-статистического делопроизводства и форм отчета (метрические книги, исповедные книги, поквартальные и полугодовые отчеты, различные формы разовой отчетности и информирования) сопровождалась — как ответной реакцией — усиливающимися признаками формализма и налетом беспроblemности в отчетности прихода. Создание благополучной картины стало испытанным средством защиты внутрприходской жизни от излишнего вмешательства извне.

Отдельный интерес представляют взаимоотношения пастырей и паствы. Несмотря на тенденцию к сословной замкнутости духовенства на Севере и в XVIII веке продолжала бытовать практика рукоположения в священник сан и назначения на причетниковую должность лиц податных сословий: в 60-е годы в Архангельской епархии зафиксированы 389 посвящений и пострижений лиц податных сословий. Сохранялась живая связь с крестьянским сословием и благодаря оттоку избыточных членов семей сельского духовенства и причетников в крестьянство: в 30-40-е годы до 30% сыновей сельских клириков «выбывали» в подушный оклад. Формирование священнических династий, наследственная передача мест, пожизненное служение на одном приходе способствовали доверию между пастырем и паствой, сохраняли сходство жизненного круга крестьянина и сельского священника, создавали особые условия для пастырской практики.

Вместе с тем нарастание бюрократических традиций Синодальной церкви открыло путь к системе назначаемости клира и его административным перемещениям.

В приходской действительности была допустима практика контроля за поведением и морально-нравственным обликом пастырей со стороны рядовых прихожан. И чем больше определялись сословная замкнутость клира и его отличия в образе жизни, образованности и общественно-правовом статусе, тем пристальней становился такой контроль. З то же время очевидно, что деревенская паства всегда была готова простить человеческие слабости своему «батушке», если в своих основных делах он был усерден и незлобив с людьми.

Епархиальная власть последовательно исключала приходского священника из сферы публично-правовых актов чернососно-государственной воласти. Архиерейские послания и государственные законы строго запрещали приходскому клиру подписывать приговоры мирских сходов, торговые и имущественные поручительства и другие документы гражданского характера. Впрочем,

как и в случаях с другими запрещениями и предписаниями, властям пришлось повторять их неоднократно, прежде чем им стали следовать священники и прихожане, привычно видевшие в рукоприкладстве своего пастыря авторитетную для администрации гарантию достоверности того или иного решения. Вот почему подписи священников еще долго — по крайней мере до 70-80-х годов — встречаются под различного рода коллективными крестьянскими документами. Даже в крестьянских наказах в Уложенную комиссию 1767 г. многократно встречаются подписи-поручительства сельских священников. Постепенное утасание этой практики стало еще одним шагом на пути к разграничению светской и религиозной сфер общественной жизни северной деревни. В светской все менее предполагалось участие духовенства, а в религиозной его роль становилась все более руководящей и организующей приходское сообщество.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Волость — община — приход на Европейском Севере России в течение длительного исторического периода заселения и освоения региона оформились в самобытные — чисто триединные — сообщества, к началу XVIII века имевшие многовековые традиции самоорганизации и саморегулирования, а также интеграции в светские и церковные властные структуры, в государственно-правовые и канонические нормативные системы. Проведенное исследование состояния сообществ в исторических условиях XVIII века позволяет утверждать о большом запасе прочности этих традиций. Оформленные обычаем, законом и канонем, мир и приход до конца столетия сохраняли традиционные способы жизнедеятельности. Две крупные реформы местного управления (петровская и екатерининская), учреждение огосударственной Синодальной церкви и подгонка епархиальных границ под административные, образование новых территориальных и отраслевых властных, судебных и церковных структур — все это учреждалось и укреплялось без разрушения или реформирования организационных и функциональных основ крестьянских сообществ.

Они продолжали быть в основе северно-российских систем расселения различных уровней, дислокации этнических ареалов, административного и церковного деления и т.д. — т.е. всех ведущих компонентов среды обитания и социокультурных институтов. Оставались жизненными дошедшие от прошлых эпох межволостные и межприходские территории, получившие — пусть и не формальное — но реальное признание в рамках учреждаемых институтов абсолютизма. Волость, община и приход по-прежнему

обладали качеством самоценности, оставались ничем не заменимой сферой бытования и развития общественного и религиозного сознания крестьян, важнейшим институтом саморегулирования крестьянского общества.

Вместе с тем, сохранение традиционных устоев сопровождалось адаптацией к тем явлениям, которые со всей силой охватили российское общество, государство и Церковь в XVIII веке. Северно-российская волость как административно-управленческая единица и как крестьянское сообщество к концу XVIII века все в меньшей степени прибегала к обычным правовым нормам регулирования жизнедеятельности и все в большей степени руководствовалась государственными нормативными актами, совершая тем самым очередной шаг по включению в бюрократически-регламентированную процедуру государственного функционирования, представляющую параллельную соционормативную систему, вобравшую, впрочем, немало из норм обычного права. Волостные институты в том виде, в каком они естественно сложились в предыдущие столетия, с тем потенциалом избираемых и ежегодно сменяемых должностных лиц, к исходу XVIII века все более не удовлетворяли власти, и, главным образом, в связи с ослаблением их распорядительных и силовых возможностей. К тому же, в условиях нарастающего малоземелья и известного расслоения крестьянства, поземельных споров, болезненных опытов (или угрозы) уравнилельных переделов, начиная с 70-80-х гг. XVIII в. они втягивались в зону внутренних конфликтов. Официальные мирские институты нередко были как бы парализованы ими. Сельские должностные лица предпочитали уходить от ответственности и перекладывать решение острых вопросов на уездную администрацию, заметно разросшуюся и в известном смысле приблизившуюся к низам в ходе екатерининской губернской реформы 1775 года. Государство в поисках факторов, стабилизирующих обстановку в казенной деревне, склонялось к необходимости ослабить воздействие на стоящих у руля волостного управления должностных лиц со стороны влиятельных деревенских группировок и кланов. Но для этого нужны были иные волости — более крупные, в которых бы разрушалось патриархальное управление, возникала бы дистанция между волостным «аппаратом» и массой, в которых бы деревенские кланы не оказывались так сильны, чтобы подмять под себя должностных лиц. Опыт крупных волостей подтверждал эти надежды, а пути укрупнения виделись в контурах исторически сложившихся микротерриторий. К началу XIX века ощущалось, что привычная

волостная структура находится на пороге перемен. Важно и то, что их в равной степени ожидала и основная масса крестьян, также желавшая поднять действенность волости как органа самоуправления и социальной защиты.

Принципиально иное назначение православного прихода как литургической общины и круг жизненных ценностей, в ней выражаемых, определили особенности его эволюции в XVIII веке. Видимые изменения фиксируются прежде всего в организации имущественно-хозяйственной деятельности приходского сообщества и договорно-обязательственных отношений пастырей и паствы. Для существования приходской жизнедеятельности эти изменения имели второстепенное значение, т.к. православное сознание всегда отводило им производное место в миссии Церкви. Более ценными представляются сведения о духовно-религиозной сфере приходской жизни. Будучи сердцевинной крестьянской культуры, она меньше всего оказалась подвержена воздействию новаций. Установленное разнообразие религиозной жизни деревни, наличие ее активных посетителей в крестьянской среде, готовность отдельных групп прихожан брать на себя некоторые стороны пастырского служения, сохранение и укрепление традиций книговладения и популярность чтения духовно-назидательной литературы, широкий круг внехрамового общения на основе православных ценностей и мн. другое позволяет утверждать о сохранении и дальнейшем накоплении православно-духовного потенциала крестьянства. О том же свидетельствуют нарастание практики катехизаторства и публичной проповеди, рост образованности клира, его более деятельное участие в распространении исторических и общественно-политических знаний в единстве с православным пониманием земного общественного устройства.

Обнаружена различная степень и направленность воздействия социальных, экономических, правовых и административно-управленческих факторов на развитие волостной самоорганизации крестьянства, с одной стороны, и приходской — с другой. Если в жизнедеятельности волостных институтов наблюдалось явное вхождение в «зону конфликтов», выход из которой грозил очередными утратами или деформациями традиционного самоуправления (что и произойдет в ходе реформы П. Д. Киселева), то сельский православный приход, при некоторых изменениях явно вторичного плана, по существу продолжал идти по пути дальнейшего развития религиозной жизни и традиций крестьянской духовной культуры, перекладывая на себя роль основного ее хранителя.

Думается, что имеющие место оценки Российского государства XVIII века как тоталитарного режима с грубой и всеобщей унификацией и отсутствием общественной самодеятельности нуждаются в поправках и, уж по крайней мере, в регионализации. Набравший с середины XVII века размах процесс расширения территории государства, получившего к концу петровского царствования имперский статус, с особой силой поставил вопрос об учете исторических, географических, этносоциальных, этнокультурных и политических особенностей каждого из регионов как о важнейшем принципе единой государственности. В отношении Европейского Севера — давней исторической территории Российского государства с известной спецификой и глубоко утвердившимися традициями «демократии малых пространств» — этот принцип выдерживался достаточно последовательно. Здесь в XVIII веке шло осмотнительное совмещение государственно-административной, территориальной и правовой системы абсолютизма с исторически оформившейся системой расселения, хозяйствования, социальной и духовной организацией черносошно-государственной деревни. Это позволяло северному крестьянству сохранять традиционный тип общественного и религиозного сознания и в этом качестве деятельно соучаствовать в становлении нации.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Новое в правовом статусе категорий крестьянства.—Параграф в книге: История северного крестьянства.—Т.1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма.—Архангельск, 1984. 0,75 л.

2. Воздействие крестьянства на законодательное оформление уравнилельно-передельной общины в конце XVIII века // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). —Уфа, 1984. 0,5 л.

3. Государство и демографические процессы в деревне во второй половине XVIII века (на материалах Европейского Севера страны) // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений.—М., 1984. 0,2 л.

4. Общественное сознание.—Параграф в книге: История северного крестьянства.—Т.2. Крестьянство европейского Севера в период капитализма.—Архангельск, 1985. 0,4 л.

5. Некоторые аспекты миграций северного государственного крестьянства в последней четверти XVIII в. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI—начало XX в.).—Вып. 1.—Таллин, 1986. 0,5 л.

6. Абсолютизм и духовная культура крестьянства XVIII века // Итоги и задачи изучения аграрной истории в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений.—М., 1986. 0,2 л.

7. Эволюция общественного сознания северного крестьянства в позднефеодалную эпоху: итоги и перспективы исследования // Октябрь и северное крестьянство (агропромышленный комплекс на современном этапе; Европейский Север как памятник отечественной и мировой культуры). Тезисы докладов и сообщений.—Вологда, 1987. 0,2 л.

8. Казенные и оброчные земли на Европейском Севере России в конце XVIII века // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Тезисы выступлений на республиканской научной конференции.—Часть 2.—Вологда, 1989. 0,25 л.

9. Общественное служение как фактор духовной культуры северорусского крестьянства // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений.—М., 1989. 0,2 л.

10. Общественная жизнь северной деревни XVIII века // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Тезисы докладов.—Сыктывкар, 1990. 0,1 л.

11. Сельский клир и крестьянство в XVIII в. Некоторые проблемы приходской жизни на Европейском Севере России // Европейский Север: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции.—Петрозаводск, 1990. 0,2 л.

12. Судьба и мысли народного депутата (о крестьянском депутате Уложенной комиссии 1767 г. И. А. Чупрове) // Север.—1990. — №10. 1 л.

13. Из истории крестьянских и приходских библиотек XVIII в.: по материалам Вологодской деревни // Книга в России: век

просвещения. Тезисы докладов 4-ой Всесоюзной научной конференции.—Л., 1990. 0,1 л.

14. Общественная жизнь северной деревни XVIII века: пути и формы крестьянского общественного служения.—Вологда, 1990: ВГПИ, Институт истории СССР АН СССР. 5,6 л.

15. Вопросы истории церкви в школьном краеведении.—Вологда, 1990: Северное отделение Археографической комиссии АН СССР. 4,6 л.

16. Природное и социальное в общественном сознании и жизненной практике российских крестьян XVII-XVIII вв. (на материалах Европейского Севера России) // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции.—Часть II-III.—М., 1990. 0,2 л.

17. Проблемы изучения сельского прихода XVI-XVIII вв. как особой формы крестьянского общежития // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации. Тезисы докладов и сообщений.—Архангельск, 1991. 0,2 л.

18. Володской архив XVIII в. // Реализм исторического мышления. Проблемы Отечественной истории периода феодализма: Чтения посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений.—М., 1991. 0,1 л.

19. Крестьянские общественные деятели: пути исследования // Социально-экономические и политические проблемы истории крестьянства Северо-Запада РСФСР. IX- XX вв. — Новгород, 1991. 0,2 л.

20. Церковь и история культуры Вологодского края: проблемы картографирования // Проблемы создания историко-культурного атласа «Европейский Север Российской Федерации».—М., 1991. 0,5 л.

21. Эволюция форм крестьянского общежития в XVIII веке (по материалам государственной деревни Европейского Севера России) // Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений.—Часть II.—М., 1991. 0,2 л.

22. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года.—Вологда, 1992: ВГПИ, Институт этнологии и антропологии РАН. 9 л.

23. Традиционная волость конца XVIII—начала XIX веков: кризис управления // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Тезисы докладов научной конференции.—Сыктывкар, 1992. 0,1 л.

24. Крестьянское хозяйство и двор со времени становления и до конца XIX века // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции.—Часть I.—Вологда, 1992. 0,75 л. /в соавт./

25. «Недородные годы» в нижнем Подвинье (комплекс источников 1766-1767 гг.) // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: межвузовский сборник научных трудов.—Вологда, 1992. 1,2 л.